

УДК 398.5

А.В. Агошков

Социальная справедливость в русской литературе и фольклоре

Автор обращается к теме социальной справедливости в контексте изучения традиционной русской культуры. На основании анализа русского литературного и фольклорного наследия делается вывод об укорененности в русском национальном характере мистических, глубоко «идеальных» представлений о справедливости и равенстве.

Ключевые слова: социальная справедливость, равенство, традиционная русская культура, литература, фольклор, «высшие силы», божественная воля, религия.

A.V. Agoshkov. Social justice in the Russian literature and folklore

The author addresses a subject of social justice in the context of studying of traditional Russian culture. Based on the analysis of the Russian literary and folklore heritage the conclusion about rootedness in the Russian national nature of mystical, «ideal» ideas of justice and equality is drawn.

Keywords: social justice, equality, traditional Russian culture, literature, folklore, «the highest forces», divine will, religion.

Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

(2 Фес. 3, 5).

В церкви опять стали читать вымаранные слова: «богатые обнищают и взалкают», и при чтении дьякона уже не было слышно громовых ударов.

Из христианской легенды «Гордый богач»

История отечественной культуры полна художественных, фольклорных образов участников противостояния социальных полюсов. На одном из них – богатые. Как правило, их достаток

является следствием чистой случайности: «...Пошел мужик на работу, стал бить щебень, расколол один камень и видит, что в нем всё золото. Забрал золото домой. С того разбогател, стал торговать. Стали к нему ходить нищие, да уже он зазнался, не стал их наделять» [17, с. 521]. Общей чертой богатых является черствость и скупость – они не подают «милостину», не дают приюта странникам, не гнушаются обманом. На другом полюсе неравенства – наименее имущие слои населения (бедные общинники, вдовы, сироты, нищие и пр.). Источник их бедствий, как правило, не раскрывается, их низкий социальный статус принадлежит им от рождения. Вместе с тем они часто терпят притеснения от «сильных», причем не абстрактных, т. е. стоящих высоко на социальной лестнице, а своих «близких» – старосты, богатого соседа, лавочника, мельника и пр. (Очевидно, общинный, «закрытый» образ жизни селян предполагал столь же ограниченный круг субъектов социального и культурного воздействия.) Между этими полюсами традиционно находятся «народные заступники» – Василий Рощин («рабочий, родом откуда-то с приокской стороны»), Криволицкий, Сорока («кузнец, первой статьи кузнец, наш, гурьевский»), загадочный Лобов, сын богатых родителей Лиханов («Лиханчик»), Фома – воевода, Серебряков – разбойник, Безрукий («его бечевкой удавило на ешефёте начальство») и пр. Их род деятельности, естественно, экспроприация богатых («они не горбом своим богатство заработали») и раздача награбленных богатств бедным. Исключением из этого ряда отечественных Робин Гудов является князь *Воронцов* («мужик сходчивый»), испросивший у царя для своих крепостных работников, вопреки козням придворных, свободу и право наёмного труда. Забавная подробность – убить мстителя можно было только «медной пуговкой» («их раньше на воротнике носили»), выпущенной из ружья вместо пули. Обычный же заряд был против него бессилён; «орудием правосудия» выступал, как правило, также человек из социальных низов – «Лександра Бессонов, старик один», «пастух», «ткач» и пр. [13, с. 263–276, 513–542].

Однако воплощением абсолютной справедливости всегда является Бог и Божья воля. Действие высших сил обычно не мотивируется никакими идеологическими соображениями, но является воздаянием за праведную или греховную жизнь. Интересно, что оно, как правило, имеет две интенции, или, если угодно, две формы воплощения: «Во-первых, это прямое утверждение справедливости и непререкаемости идущего от Бога воздаяния людям по их делам. Во-вторых – утверждение непознаваемости мотивов, по которым Божественный промысел управляет деяниями людей: то, что кажется порой удивительно несправедливым, на самом деле всегда имеет свое высшее оправдание, недоступное пониманию людскому» [8, с. 583]. Например, красивой и добродетельной девице, указавшей переподетому Христу дорогу к ночлегу, Богом предопределено сначала выйти замуж за одного из «похабных парней», ранее его оскорбивших: «Один из этих пьяных парней матерщинников будет ее мужем, и ей придется претерпеть от него много зла, но за ее терпение и через два года после ее замужества пресеку ему век». – «А потом что ее ожидает?» – «А потом судьба ее будет лучше, она выйдет замуж за богатого и степенного купца и заживет с ним в добре и довольстве» [19, с. 528]. Чем обусловлено фаталистическое понимание добра – пониманием особой трудности жизненного пути праведника («кому много дано, с того много и спросится»), упованием на высшие силы вследствие невозможности добиться справедливости от земных властей и одновременным представлением о Боге как иррациональной субстанции «по ту сторону добра и зла» – это философско-антропологическая и психологическая загадка, достойная отдельного исследования.

Л.С. Приходько также отмечает неизменное устремление в *светлое будущее* ведущей чертой народного мировоззрения. Анализируя сюжеты русских народных сказок, содержательные истоки которых восходят к доклассовому обществу, она указывает на уникальность данного вида осмысления и в конечном счете *окультуривания* социальной действительности: «Про-

изошло чудо – неграмотные крестьяне, осознающие свою неповторимость на земле, помнящие о предках и думающие о потомках, явили миру удивительные образы народного творчества. <...> В... сказках отражено метафизическое стремление русского человека к лучшему. Кстати, счастье в русской ментальности не связано напрямую с обладанием властью и богатством, то есть отражает *нестяжание власти и богатства*: герои, победив Змея Горыныча, возвращаются к своему труду («пошел кожи мять», например, Никита Кожемяка), Емеля пользуется «щучьим велением» для озорства. Старик-рыбак, поймав золотую рыбку... отпускает ее в синее море, не польстившись на ее посулы. А старуха, которая захотела исполнения всех своих желаний, потеряла богатство и власть, так и не постигнув счастья.

В другой сказке («Морозко») добрая, приветливая девочка получает от Мороза за свое терпение (терпимость?) и «речи ласковые», и шубу, и платье, «шитые золотом и серебром», а привереда сводная сестра, которая сразу же потребовала и шубу, и платье, – смерть. Эту сказку можно рассматривать как отражение в русской ментальности *христианской идеи воздаяния за терпение и нестяжательство*. Безусловно, «сказка – ложь, да в ней намек», поэтому фольклор полон примеров негативных исходов легенд и сказаний (вспомним судьбу народных мстителей – как правило, она трагична). Вместе с тем целый ряд народных сказок говорит о существовании весьма устойчивых народных представлений о добре и зле, которые воспроизводятся в поколениях, несмотря на политические катаклизмы. Один из таких образов должного – общинность, коллективизм: «В ряде сказок нашла воплощение *идея общинности русского характера* («Гуси-лебеди», «Василиса Премудрая» и т.п.), связанная с понятием «общения» (поговорить, угостить (-ся), помочь). Смысл и этой идеи прост: «как аукнется, так и откликнется» – отнесись внимательно, уважительно ко всякому, с кем общаешься, и будешь вознагражден сторицей. Популярная сказка о репке показывает роль коллектива в решении трудных задач; сказка о коте, петухе и лисе – это рассказ о силе

дружбы, помогающей преодолеть сильного противника» [15, с. 60]. Можно достаточно долго и обоснованно рассуждать о ненаучности обыденных форм освоения реальности, одной из которых являются народные сказки. Тем не менее современные культурологические, философские и социально-экономические работы говорят, что общинные способы обустройства жизни, в частности хозяйственной деятельности, до сих пор обладают актуальностью и останутся таковыми впредь, если это станет позицией отечественного правящего класса [20, 12].

Немало образов социального «нестроения» донесла до нас древнерусская литература (ДРЛ). Несовершенство существовавших порядков осознавалось уже ранними авторами, что находило отражение в отдельных произведениях. Ярким примером тому служит целиком сплетенное из афоризмов, благочестивых высказываний и пословиц «Послание Даниила Заточника» (оно называется еще «Словом» и «Молением») к какому-то великому князю Ярославу Всеволодовичу (очевидно, отцу Александра Невского). Ни автор, ни адресат, ни время создания «Послания» точно нам неизвестны – предположительно, не позднее 1230-х гг. В «Послании» нет четкой композиции, оно касается самых разнообразных тем, но особенно изобретательным был автор в нанизывании высказываний о том, как плохо жить бедному и зависимому человеку. «Княже, господине мой! – писал Заточник. – Избави мя от нищеты сея, яко серна от тенета, яко птица от кляпци [силков], яко утя от ногти носимаго ястребья, яко овца от усть лвовъ... Яко же олово гинеть часто разливаемо, тако и человекъ, приемля многы беды...» [18, с. 13]. Таким образом, уже тогда ключевой темой литературного произведения могло быть социальное неравенство и угнетение. Примеров такого рода на протяжении XIII-XVII вв. можно привести множество, причем в произведениях самых различных жанров, хотя преобладающая тема, очевидно, всё-таки была иная – по справедливому замечанию Д.С. Лихачева, «характерною чертой русского культурного подъема было особое внимание к государственным интересам страны» [9, с. 18].

В этой связи нельзя не упомянуть об одном интересном явлении. В XVII в. образ России в ДРЛ создавался помимо традиционных и достаточно «официозных» монументально-исторических жанров в рамках *художественной публицистики*, то есть принципиально новыми средствами, нежели в летописных повестях и исторических сочинениях предыдущих веков. Произведений нового жанра было немного, и они невелики: всего лишь несколько повестей, житий, панегириков. Однако ценность их исключительна, особенно тех, которые созданы демократическими писателями того времени. Последние стремились к *типизации* литературных героев, через повествование об их жизни раскрывая жизнь *в целом* России [10, 11]. Это обстоятельство придает памятникам данного вида ДРЛ уже не только литературоведческую, но и культурологическую и социологическую ценность.

Примером такого рода художественно-дискурсивной практики является «Повесть о Горе-Злосчастии». Ни автор, ни время, ни место ее создания точно не известны. «Повесть» была обнаружена в единственном историко-литературном сборнике первой половины XVIII в. и предположительно датирована второй четвертью или даже второй половиной XVII в. Несомненна связь «Повести» с народными песнями о Горе. «Повесть» в стихах (но без рифм) рассказывала о том, как некий молодец – очевидно из купеческой семьи – нажил денег, но дал себя заманить в кабак, все пропил с друзьями, в пьяном виде был раздет и так и оставлен, посоветился возвратиться домой, покинул родную сторону, но и на чужой только нажил состояние и надумал жениться, опять горько запил по-прежнему и бросил все. Где бы ни бродил молодец, через какие бы реки ни переправлялся, всюду его сопровождало со своими речами и ужимками Горе-Злосчастие, от которого он не мог отделаться даже во сне. В самом конце «Повести», в одной из последних его строк, сообщалось, что удалец все-таки спасся от Гора, постригшись в монахи.

Чем же примечателен главный герой и его история?

Во-первых, поистине феноменальной социальной мобильностью (как восходящей, так и нисходящей), подвижностью взглядов, мотивации, психологических установок. Молодец всегда соответствует среде, в которой находится, всюду он «свой»: «люди добрые» учат его, как жить, – «и учал он жить умеючи» [5, с. 598]; в обычае было жениться – «присмотрел невесту себе по обычаю» [5, с. 603]. Оказывается молодец в кабаке, и вот уже «кирпичек положен под буйну его голову, он накинут гункою кабацкою, в ногах у него лежат лапотки-отопочки» [5, с. 600]. Вновь воспрял молодец, смог войти в круг «добрых людей» – и снова на нем «платье гостиное» [5, с. 604]. Опять «сошел он пропивать свои животы, а скинул он платье гостиное, надевал он гунку кабацкую» [5, с. 604–605]. Сошелся он в далекой стороне с иными «людьми добрыми» – «сняли с него гунку кабацкую, дали ему порты крестьянские» [5, с. 607].

Во-вторых, поразительной неустойчивостью своих ценностных предпочтений. Молодец неоднократно меняет не только свой внешний, но и внутренний облик. Так, после долгих родительских наставлений («...не знайся, чадо, з головами кабацкими») встретил молодец друга, а тот «прелстил его речми прелесными, зазвал его на кабацкий двор» [5, с. 599]. Изображения переходов молодца из одного состояния в другое помогают созданию в «Повести» широкого художественного обобщения.

В-третьих, в поведении главного героя ярко выражены признаки *негативной мотивации*, которую много раз пытались возвести в степень основной черты русского «национального характера»: молодец «поклонился Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли... Идет весел – некручиноват... а сам идучи думу думает: “Когда у меня нет ничево, и тужить мне не о чем!” (выделено мною. – А.А.) [5, с. 605–606]. Этот затертый исследователями ДРЛ момент при всей его анекдотичности несет на себе печать *отчаяния*, предельного отчуждения субъекта от каких бы то ни было плодов хозяйственной активности. Отсутствие буржуазной мотивации, стремления к накоплению, много раз вмененное в вину нашему национальному

характеру, может быть осознано как мудрое, философское отношение – возможно, не осознаваемое, но от этого не менее ценное.

В-четвертых, широта сделанных автором обобщений позволяет нам сделать вывод о том, что «Повесть» может претендовать на статус своеобразного «социального исследования». Авторское сочувствие и сострадание к народу помогало нарисовать общую картину: куда ни пойдешь на Руси, всюду встретятся «люди добрые» и неудачники, отколовшиеся от первых; всюду благополучию угрожают «пиры и братчины», «красные жены», «костари и корчемники» [5, с. 598–599]. Эта картина позволяет сделать два промежуточных вывода. Первый – о том, что уже в том столетии проблема пьянства среди русского народа имела не только бытовой, но и общественный в целом план значимости. Второй – о том, что полнота и разнообразие авторских представлений относительно того, как и какие люди живут на Руси, сведены к определенной типологии, выраженной в «бинарной» оппозиции (модели) *«порядочные люди – гулящие люди»*.

В рамках принятого автором жанра художественного повествования предпринимается попытка описать образ жизни маргинальных слоев населения. В образе главного героя автор показал разные типы бражников, живших на Руси, – и совсем неопытных, растерянных; и зрелых, важно похвалявшихся на пиру; и нагих-босых, бездомных, молодцеватых, кому «шумить разбой» (с. 604), кто может «убить и ограбить, чтобы ... за то повесили или с камнем в воду посадили» [5, с. 608].

Образ России, созданный «Повестью о Горе-Злосчастии», был кардинально новым художественным достижением в русской литературе. Никогда еще так глубоко и органично типическое не изображалось через частное, а социальное – через бытовое, «низкое».

Сходными способами обобщения, хотя и в более слабой степени, пользовались сочинители некоторых небольших сатирических и юмористических повестей XVII в. – «Азбуки о го-

лом и небогатом человеке», «Сказания о птицах небесных», «Повести о Ерше Ершовиче». Последняя тоже изображала, хотя, быть может, бледнее «Повести о Горе-Злосчастии», зловещее, беспокойное соседство мира благополучных людей с миром людей бедствующих.

Следующим этапом в развитии художественного обобщения явилось «Житие» протопопа Аввакума – по праву одно из самых знаменитых ныне литературных произведений XVII в. Оно достаточно хорошо изучено отечественными литературоведами, в частности В.Е. Гусевым [4]¹. Историки и обществоведы еще в советский период нашей истории уделили личности мятежного протопопа (естественно, как борца с царизмом) значительное внимание. Поэтому мы лишь вкратце остановимся на его главном труде, заключая тем самым рассмотрение художественной литературы XVII в. как социального и культурного явления.

В «Житии» Аввакум изложил эпизоды из своей биографии, в основном в хронологическом порядке, нередко возвращаясь назад или забегая вперед, отвлекаясь к нравоучениям или к рассказам о других лицах – жене и детях, друзьях и врагах.

Новизна художественного обобщения в «Житии» Аввакума заключалась в том, что судьба России изображалась здесь не через жизнь вымышленного героя, а через биографию конкретного исторического лица. Стремление Аввакума к типизации было более осознанным и мощным, чем у предшествующих ему авторов русских повестей. Способ типизации событий, употребленный здесь, присущ всем произведениям литературы Нового времени – это *описание путешествия* главного действующего лица. Герой «Жития» не с опаской, а с какой-то жадностью посещает места, куда забросили его обстоятельства. Вся Россия охвачена его деятельностью. Впрочем, есть в «Житии», особенно во второй половине, эпизоды более узкие, местные. Но и они не выпадают из общей картины, а, наоборот,

¹Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страницы.

углубляют ее и сами становятся шире и значительней. Как известно, конкретные места Сибири Аввакум описывал с большой точностью, при этом в обилие фактического материала всегда вмещалось и нечто широко обобщающее. Таково изображение тяжелого лесосплава, проходившего по реке Ингоде, восточнее Байкала: «Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие... Ох, времени тому!» [4, с. 35].

В каждом эпизоде «Жития» Аввакума сквозит образ России, в которой схлестнулись две силы – обездоленные раскольники и благополучные «никониане». Произведение неистового мятежника с небывалой рельефностью и художественной подробностью показало Россию гонимых и страдающих.

В целом можно сказать, что произведения демократических писателей второй половины XVII в. благодаря типизации героев нарисовали обобщенный облик различных социальных слоев России, преимущественно низших и средних. Картина народных бедствий носит подчас фатальный, неистребимый характер, борьба с несправедливостью имеет трагический для героя борьбы исход, избавление возможно практически исключительно как следствие вмешательства высших сил – Бога и/или власти, которая также от Бога. Именно с этих произведений началась собственно художественная русская литература [6, с. 54–73].

Влияние этой трагической тональности в изображении отечественной социальной действительности ощущалось во многих памятниках русской литературы (РЛ) Нового и Новейшего времени. В эпоху Золотого века РЛ к теме исправления существующих порядков не раз обращался А.С. Пушкин (поэзия раннего и зрелого периодов, «История пугачевского бунта»); отдельные исследователи подтверждали, что древнерусская учительная литература служила опорой для напряженных ре-

лигиозно-этических исканий позднего Н.В. Гоголя¹. Позднее к ним присоединилось великое множество блестящих авторов, среди которых А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, «первый гражданский поэт России» и прекрасный лирик Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.П. Чехов и многие другие. Таким образом, и на данном историческом этапе сохранялось глубокое внутреннее единство стилей и направлений, основанное на преемственности сюжетов, характерных персонажей, смысловых и социальных контекстов произведений.

Особую остроту и одновременно «современное» звучание тема социальных бедствий получила в пореформенный период. В последние десятилетия отдельные политически ангажированные исследователи не раз пытались на основании отдельных фактов и ряда локальных разработок представить до-революционную действительность в «розовых» тонах, наполнив ее сусальными образами благоденствующего народа, правдолюбивого начальства и истовых тружеников-предпринимателей². Между тем многочисленные свидетельства как социологического, так и художественного характера зачастую говорят об обратном. Так, Л.С. Приходько справедливо обращает внимание на глубоко противоречивые итоги крестьянской реформы второй половины XIX в.: «Своеобразие России, обусловленное недостаточным развитием капитализма в земледелии, состояло в том, что здесь увеличение производства хлеба достигалось двумя способами: как путем технического прогресса... так и путем возврата от капиталистического к отработному хозяйству, к исполщине, кабальному найму и пр.» [2]. Передовых капиталистических хозяйств было совсем немного – около 600 (из 30 тысяч), с площадью земли примерно 6

¹ Как указывает Н.С. Демкова, в ЛГУ М. Птиченко была защищена дипломная работа: «Выбранные места из переписки с друзьями» и традиции древнерусской литературы» (см. [3, с. 406]).

² См., напр., труды исследователей Л.Н. Лопатина, Н.Л. Лопатиной (г. Кемерово).

млндесятин, поэтому основное бремя по производству зерна ложилось на плечи крестьян. Но из 678 уездов Российской империи в 145 (21,1%) продовольственного хлеба на душу населения приходилось мало: не больше нижних пределов прожиточного минимума, в 238 (34,8%) – значительно ниже прожиточного минимума, а в итоге 56 % сельского населения не реализовывали продукцию сельскохозяйственного производства, едва сводя концы с концами [3]. К концу XIX в. вывоз ржи и пшеницы сократился, а Россия оказалась обреченной на борьбу, которая неизбежно порождала осложнения в экономике и острые социальные и политические конфликты [16, с. 68].

Социальные процессы, происходившие в стране в указанную эпоху, нашли яркое отражение в творчестве ряда русских писателей, которые выводили на страницах своих произведений «русский крестьянский мир» и нового героя литературы – «русского мужика» и «крестьянский мир» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Анализируя творчество Г. Успенского и Николая Елпидифоровича Петропавловского, вошедшего в литературу под псевдонимом С.Каронин, посвятившего крестьянской теме два цикла рассказов – «Рассказы о парашкинцах» и «Рассказы о пустяках», написанных в основном в период с 1879 по 1883 гг., Л.С. Приходько заключает, что реформа была актом беззастенчивого ограбления народа, поруганием его чаяний и надежд, прологом к новым неисчислимым бедам и страданиям. Она пишет: «...Если судить по беллетристике 60–90-х гг. XIX в., пореформенная деревня являла собой довольно безотрадную картину: «Положение крестьян после реформы постепенно и существенно ухудшалось. *В 1900 году крестьянин был беднее, чем в 1800 году*» [16, с. 35]. Реформа потребовала существенно усилие от крестьян для приспособления к новым условиям. Она бросила своеобразный вызов, но не смогла справиться с новыми задачами. *Усилилось расслоение. Периодический голод свидетельствовал об оскудении.* В стране, где крестьяне составляли 87,2 % населения, эти процессы грозили вырождением всего общества. *Рост населения ухудшил ситуацию.* <...>

В пятидесяти губерниях европейской России за 40 лет после реформы население выросло на 72 % ... За 45 лет... масса людей, скопившихся на земле, почти удвоилась... *сокращался крестьянский надел*: если на ревизскую душу приходилось в 60-х гг. 4,8 десятины, то в 1880 г. надел уменьшился до 3,5 десятин. А в 1900 г. – до 2,6 десятин» [16, с. 36]. В дальнейшем надел сократился до 2 десятин.

Россия была первой страной, где эти противоречия выступали так наглядно и так масштабно. *К концу XIX в. пятая часть крестьянства оказалась безземельной. Примерно столько же крестьян были малоземельными.* И через пятнадцать-двадцать лет после публикации очерков Успенского «сердитое нищенство» в России стало реальностью» [16, с. 73]. Постепенно эта взрывоопасная социальная масса перемещалась из деревни в город; вместе с двумя неудачными войнами и политическим кризисом бедность населения и социально-психологическая необустроенность общественной жизни стали источником последовавших вскоре революционных событий.

Особенно ярко в литературе той поры вырисовывается мироощущение крестьянского, по сути российского, социума, нездоровый психологический климат, связанный с ломкой вековых традиций общинного земледельческого уклада жизни. Герои С.Каронина – Фрол Пантелеев («грамотный мужик, ходок и представитель мирских интересов», потерпевший фиаско в роли гласного уездного земства), Иван Иванов (несостоявшийся «Ученый», потерпевший телесное наказание), Егор Панкратов («Вольный человек», волею случая открывший иллюзорность дарованной ему воли) и прочие – мечутся между прошлым и будущим, где в прошлом – кнут, а в будущем – неизвестность. Люди растеряны: «Шальное выражение лиц, бесцельность и беспричинность в разговоре, полнейшее отсутствие сознательности – таковы качества, отличавшие всех вообще парашкинцев.... Стали они пить, чтобы чем-нибудь наполнить пустое время и пустоту в умах своих, а так как своих собственных средств у них не было, то они норовили поймать первого провинившегося

против них человека другой деревни, приводили его к кабаку и брали сивухи. Здесь, около кабачка, на заросшей полынью лужайке они и пили все вместе; здесь было веселее, здесь же нередко происходили между некоторыми из них битвы с кровопролитием; наконец, здесь же, против кабачка, некоторые из них плакали навзрыд, укоряя друг друга в глупости, свинстве и в безбожии» [7, с. 138] (цит. по: [16, с. 74]).

Можно предполагать, что процесс модернизации в описываемое время проходил достаточно болезненно. «Догоняющий тип» обновления, который раз выбранный правящим классом России, приносил и позитивные плоды, однако все время стоил больших жертв. Более того, искоренение тех или иных традиций и укладов приводило к образованию своеобразного «комплекса неполноценности» в масштабах всей нации. (Убеждаясь в нашей извечной отсталости, лидеры нации, а с ними и весь народ приходили к выводу, что любые позитивные изменения в Отечестве возможны лишь в виде прямых или косвенных заимствований из-за рубежа.) В этой связи уместен вопрос: если «западнические» представления о должном в социальной действительности (ускоренная капитализация, а затем такая же резкая социализация) стоили России известных моральных и физических жертв, стало быть, можно предположить, что и справедливость воспринималась русскими несколько иначе, нежели европейцами?

Очевидно, что игумен Вениамин в его уверенности относительно нерелективного характера представлений русских о справедливости и равенстве в целом не так уж и неправ. Предложенный выше краткий анализ фактически подтверждает, что почти мистические уравнивательные взгляды преобладали в нашем национальном сознании до обеих революций начала XX в. С другой стороны, знаменитое волошинское «собственность есть кража» явно было не происками «исчадий ада» – большевиков, но следствием несбалансированной и неразумной политики правящих кругов России рубежа двух столетий. Остались ли в России еще моральные авторитеты, кроме народа, поли-

тического класса и интеллигенции (науки, творческого люда), которые от века задавались вопросом – каким видит русский человек справедливый («праведный», правильный) общественный порядок? По заверениям того же Вениамина, в России всегда оставался непререкаемый авторитет по любым вопросам социальной жизни и «культурной борьбы» – это православная церковь. Каково её мнение на этот счёт?

Тема справедливости и социального равенства получила отражение не только в духовной культуре нашей страны, ее материальном и нематериальном наследии. Она достаточно активно обсуждалась религиозными деятелями России, а также философами и богословами. Несмотря на то что православная церковь на протяжении веков чувствовала себя достаточно комфортно под крылом государства, церковное предание оставило нам большое количество свидетельств серьезных разногласий в церковной ограде, которые касались социальной справедливости, богатства и неравенства; крайний консерватизм и малоподвижность церкви не помешали работе живой церковной мысли, соборного церковного разума. Очевидно, именно это позволило развиваться в конце XIX в. широкой палитре общественно-политических течений и доктрин, а также кружков и групп, ставивших во главу угла своих идеологий социальные ценности, идею общего блага, – легально-марксистских, социал-консервативных (П.Б. Струве, веховцы и пр.), мистических (символисты) и др. Это же повлияло на становление светской религии советизма (В.Д. Жукоцкий), воплотившей консервативное, специфически русское понимание марксизма. История России в XX в. показала, насколько сильно оказалось социокультурное влияние исторического бытия Руси-России на социальное и экономическое реформаторство, всегда проводимое «сверху». Не имея возможности в полной мере осветить эти сюжеты, мы напомним их основные вехи. Думается, они станут ярким, хотя и промежуточным финалом изучения взаимоотношений экономики и культуры в истории России, рассматриваемых под углом данного исследования.

Тема отношения православия к собственности, богатству и неравенству изучена достаточно основательно. Множество раз ученые и церковники вчитывались в библейские сюжеты и заповеди, поминали афоризм о верблюде и игольном ушке и знаменитый спор между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. Уже в наши дни был заново перечитан «Домострой», который неожиданно оказался не реакционной книгой, а вполне актуальным и прагматичным документом, в котором оправдывается хозяйствование, ведущее к ограниченному достатку; известно, что в «Домострое» все богатство подразделяется на праведное и неправедное. Праведным считается богатство, которое досталось от предков или нажито собственным трудом. Неправедное, греховное, неограниченное богатство нажито в результате отступления от христианской морали, так как создано насильем и неправдой.

Тем не менее единства по этому вопросу нет до сих пор. Официальные идеологи РПЦ выступают за социальный мир и партнерство классов, простые же православные, судя по данным социологических исследований, по-прежнему считают существующий социально-экономический уклад несправедливым и антигуманным.

Почему же существует такое разномыслие? Неужели дело не только в идеологии, но в мировоззренческих расхождениях, в том, что классы не слышат друг друга?

Казалось бы, в истории церкви сделано немало для того, чтобы внести ясность в вопросах собственности, многие отцы церкви однозначно высказывались на этот счет. Согласно учению блаженного Августина, всякая борьба в мире – войны, вражда, мятежи, несправедливости, убийства, неправды – возникают из-за того, чем мы владеем лично. Из-за тех предметов, которыми люди владеют сообща, не возникает борьбы, они не становятся объектами соперничества и раздора. Отсюда был сделан вывод: «Будем же, братья мои, воздерживаться от частной собственности или, по крайней мере, от любви к ней, если не можем воздержаться от владения ею» (цит. по: [22, с. 50]).

Другой известный проповедник, церковный писатель IV в. Лактанций, на «Божественные наставления» которого опираются многие авторы, отвергающие право собственности, полагал, что с точки зрения христианской любви все должно быть общим достоянием, и если этого нет, то причина этого в любостяжании. «Любостяжание, – писал Лактанций, – есть источник всех зол... Люди, обилующие в чем-либо, не только перестали уделять другим избытки свои, но начали присваивать и похищать себе чужое, будучи влекомы к тому собственной корыстью. То, что прежде было в общем употреблении у всех людей, начало скопляться часто в домах у немногих. Чтобы других подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себе в одни руки первые потребности жизни и беречь их тщательно, дабы небесные дары сделать своею собственностью, не для того, чтобы уделять их ближнему из человеколюбия, которого в них не было, но чтобы удовлетворять единственно своему любостяжанию и корысти. После того составили они себе самые несправедливые законы... посредством которых защитили против силы народа свое хищничество» [22, с. 35]. Иными словами, согласно Лактанцию, в основе экономического неравенства лежит нравственное несовершенство человека и его недостаточная любовь к ближнему.

Тем не менее при наличии таких недвусмысленных суждений по поводу богатства, церковные идеологи не раз выступали на стороне крупных собственников и буржуазии. Так, в предреволюционный период отечественная богословская наука и церковь вступили в спор с социалистами по поводу «существовавшего до сих пор и у всех христианских народов принятого порядка». Среди обсуждавшихся тем был и вопрос о социальной необходимости института частной собственности. (Примечательно, что как для защиты собственности, так и для доказательства ее порочности обе стороны использовали древнехристианские тексты, Книги Ветхого и Нового Завета).

Официальное православие в союзе с буржуазными националистами во главе со столь почитаемым современными вла-

стями России И.А. Ильиным, убежденным сторонником собственности, который обосновывал ее необходимость, жизненную целесообразность и «духовную верность», выступало за сохранение права собственности и предупреждало о негативных последствиях его отмены. «Если бы все блага земли были в общественном распоряжении и общее было бы обрабатывание земли, тогда немислимо было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый стал бы избегать труда и слагать его на других; каждый стал бы надеяться на другого, естественная леность и праздность достигли бы тогда высшего своего развития, и ослабела бы охота к труду, так как личный труд никому не приносил бы особенной пользы. Равным образом не могло бы быть порядка при управлении и распоряжении общественным имуществом, и вечные происходили бы недоумения и замешательства, если бы каждый заботился о всем и о всех. Это всеобщее владение представило бы особенно широкое поле спорам и несогласию... Тогда род человеческий представил бы из себя печальную арену ссор, распрей и ужасных мятежей». Церковь указывала на разрушительные, пагубные последствия отмены частной собственности, на «величайший вред и гибель людей», если это произойдет. Только в том случае, «когда каждый имеет свою собственность для своего распоряжения и для пользования плодами своих трудов, возможно хорошее и правильное хозяйство и экономия; только тогда господствует порядок между различными званиями и классами людей; тогда только могут сохраняться мир и согласие между людьми» [21, с. 366].

Впрочем, подобные утверждения не оставались без реакции со стороны оппонентов. Автор работ начала века В. Экземплярский делал довольно резкие и нелицеприятные для официального богословия выводы: «...Мы думаем и утверждаем, что в откровенном учении нет и намека на долг “приобретать, хранить и умножать” свое имущество. Всюду вместо этого заповедуется не приобретать себе сокровищ на земле, не заботиться о том, что тлеет, и раздавать свое достояние неимущим.

Иными словами, в открытом учении заповедуется как раз обратное тому, что дозволяется и одобряется нашими системами нравственного богословия» [22].

С той поры прошло целое столетие, однако данная дискуссия не получила ни официального окончания, ни сколько-нибудь вразумительного продолжения. Впрочем, это не значит, что церковь оставалась в XX в. совершенно в стороне от процессов социально-экономических преобразований в нашей стране.

В последнее десятилетие РПЦ был принят целый ряд вероучительных правил и документов по этому поводу. В частности, в «Основах социальной концепции...», дающих широкое определение собственности, под которой понимается «общественно признанная форма отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам» [14], указывается, что церковь не определяет прав людей на собственность. Однако материальная сторона человеческой жизни не остается вне ее поля зрения. Призывая искать прежде всего «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6. 33), церковь помнит и о потребностях в «хлебе насущном» (Мф. 6. 11), полагая, что каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования. Вместе с тем церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами, осуждая тех, кто обольщается «заботами, богатством и наслаждениями житейскими» (Лк. 8. 14). По мнению авторов «Основ социальной концепции...», в позиции православной церкви по отношению к собственности нет ни игнорирования материальных потребностей, ни противоположной крайности, превозносящей устремление людей к достижению материальных благ как высшей цели и ценности бытия.

Идеологи и богословы РПЦ стараются примирить противоположные позиции и различные доктрины, сняв противоречащие друг другу тезисы и библейские высказывания с помощью второй главной заповеди Христа, требующей подчинять экономические отношения нравственным. Это значит, что позиция православного христианина к собственности вне зави-

симости от уровня его благосостояния должна основываться на евангельском принципе любви к ближнему: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13. 34). Эта заповедь является основой нравственного поведения христиан. Она должна служить для них и, с точки зрения церкви, для остальных людей императивом в сфере регулирования межчеловеческих отношений, включая имущественные.

При этом церковь признает существование многообразных форм собственности. Она справедливо указывает, что государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития, поэтому церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм. При каждой из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ.

И совсем недавно, на XI Всемирном Русском Народном Соборе, тогда ведущий церковный идеолог и публицист, митрополит, а ныне патриарх Кирилл посвятил свое выступление проблемам бедности и богатства в современном российском обществе. В нем он предпринял очередную попытку примирить принципы буржуазной демократии с текстом Библии и заповедями христианства: «С одной стороны, страна владеет несметными богатствами, которыми Господь щедро наделил наши недра. По разным подсчетам в нашей стране сосредоточено от 30 до 40 % полезных ископаемых Земли. Благодаря экспорту природных ресурсов собирается стабилизационный фонд, а также богатеет очень незначительная часть общества. С другой стороны, большинство населения страны живет в нищенских условиях. Можно было бы сказать: «Не надо завидовать, а надо работать». В том-то и дело, что люди работают, а получают за свой труд гроши. Если в прежние времена такую зарплату компенсировала мощная социальная система, доставшаяся в наследие от советских времен, то с каждым годом

она все больше тает, а покупательная способность людей остается прежней.

Согласно официальной статистике, в России доходы 10 % самых богатых превышают доходы 10 % самых бедных в пятнадцать раз. Можно предположить, что с учетом реальных доходов состоятельных граждан эта разница составляет 20–25 раз. Для сравнения приведу ситуацию в Швеции, в которой разрыв в доходах составляет 4 раза, а в среднем по Европе эта цифра не превышает 6–7 раз, в США – 9. Преодоление вопиющего неравенства в России – это в первую очередь вопрос выживания нашей страны. В других странах мира в условиях подобного разрыва между уровнями жизни людей происходят социальные беспорядки и даже революции. Мы не можем наступать на одни и те же исторические грабли, индифферентно относясь к столь резкой материальной пропасти между богатым меньшинством и бедным большинством. В начале XX века такая беспечность обошлась нам слишком дорогой ценой, чтобы платить ее еще раз» [1].

Согласно официальной позиции РПЦ, человек в заботах по обустройству своего дома и страны уподобляется Богу, заботящемуся о мире и человеке. В христианстве нет осуждения богатства, но есть осуждение привязанности к богатству, которое дается для созидания, а не для накопления ради накопления. Иными словами, греховным (или праведным) является не само богатство, а отношение человека к нему: «В культурном коде России не существует колебания в ответе на вопрос: надо или не надо трудиться? Русская традиция однозначно отвечает: «Надо». Но русскому человеку постоянно приходится отвечать на вопрос: «Ради чего трудиться?». Конечно, прежде всего, необходимо обеспечить себя и семью всем необходимым. Но вот, если это сделано, и даже сверх нормы, то что делать дальше с богатством? Для думающего человека это настоящий экзистенциальный вопрос. Он может отказаться от всего и понять, что счастье не в богатстве, и уйти в монастырь, но там он тоже будет трудиться, в том числе и физически. А может найти

смысл в создании материальных богатств для того, чтобы направлять средства на строительство храмов, благоустройство общественной жизни, развитие науки, культуры, открытие школ и приютов. Важно, чтобы наш человек видел, если хотите, высший смысл своих трудов. В этом случае у него появляется практически неисчерпаемый запас энергии и предприимчивости» [1].

Таким образом, церковь предлагает признать существующий социально-экономический уклад справедливым, но при условии, что отечественный бизнес станет социально ответственным, причем сделает это добровольно, естественным путем придя к христианскому пониманию своей ответственности.

Очевидно, что эта позиция сама не является ни последовательной, ни до конца социально ответственной. Конечно, можно подождать, пока представители крупного и среднего бизнеса (а именно они способны существенно повлиять на социальную обстановку в нашем обществе в отличие от малого бизнеса, положение которого стало уже притчей во языцех) дорастут духовно до положений христианской морали, прольют слезы раскаяния за свои прегрешения и станут щедрой рукой спонсировать социальные программы, исправно платить налоги и пр. А если не дорастут и не прольют? Или прольют, но лишь немногие? Возьмут ли в этом случае государство и РПЦ на себя ответственность за миллионы неродившихся детей, за тысячи умерших от голода и непосильной работы, за всех униженных и оскорбленных в годы постельцинизма? Очень сомневаюсь. Не стоит забывать, что российский правящий класс родом из тех времен, когда материалистическое мировоззрение было в большой моде. Он хорошо знает, что «своя рубашка ближе к телу», «синица в руке лучше журавля в небе», а «гусь свинье не товарищ». И взывать к его совести – все равно, что ягненку просить волка быть «социально ответственным».

Что же делать, как примирить нашу церковную жизнь с экономическими и политическими реалиями наших дней? Сможем ли мы заново открыть уже много раз прочитанные, и затем за-

бытые слова Священного Писания, что каждому должно питаться плодами своего труда и кто не работает, тот не ест?

Думается, для этого необязательно изобретать велосипед и писать новые «концепции». Стоит лишь внимательно вчитаться в уже имеющиеся документы и найти политическую волю обратиться к отдельным, до этой поры замалчиваемым, их положениям.

Например, о том, что можно и нужно выделять два уровня собственности. Первый из них связан с природными богатствами – «блага земли должны давать средства к жизни всем людям», второй – рукотворный – это «есть плод или личного труда и работы каждого, или же наследство, доставшееся от предков» [21, с. 365]. Что исконно народным основанием права собственности, «единственным, всегда признаваемым и справедливым источником собственности», считался и продолжает считаться вложенный труд. И до тех пор, пока плоды земли и результаты труда многих поколений русских людей остаются отчужденными от народа России, а церковь и государство продолжают пытаться придать хоть какую-то долю легитимности существующей людоедской социально-экономической системе, название которой «итоги приватизации», ни о каком социальном мире и подлинном социальном партнерстве в нашей стране не может идти и речи.

Не стоит думать, что подобная ситуация является следствием советской эпохи, сделавшей из нас рационалистов-прагматиков (ведь есть у нас любители идеализировать традиционную Россию, с царем-батюшкой, купцами-меценатами и сусальными городскими в роскошных усах). Проблема собственности и богатства обсуждалась в России и до 1917 г., и подчас весьма остро. Не единожды и не одним автором указывалось, что легитимность и законность собственности в России всегда была нашим «слабым местом».

Будет ли поставлена точка в споре «иосифлян» и «нестяжателей»? Сказать трудно, особенно учитывая негативный опыт прошлых эпох. Однако этот скепсис ни в коей мере не

снимает со всех нас, и с церкви в частности, ответственности за происходящее в стране. Несмотря на все заклинания о священности права частной собственности и нерушимости итогов приватизации, всем давно ясно, что они должны быть пересмотрены. Более того, эти процессы латентно, но уже несколько лет происходят. Проблема в том, что они осуществляются в пользу государства или тех же крупных собственников, но не в пользу простых людей.

И наша церковь, если хочет быть последовательной и актуальной, не может остаться в стороне от этих вопросов. Если не хочет окончательно оказаться в стороне от общественной жизни, как это происходит в Европе и Америке. Конечно, было бы наивно ожидать от наших иерархов прямых указаний на этот счет, но повод для движения в этом направлении есть. Стоит подумать, какие предприятия вернуть в собственность государства, какие – в собственность трудовых коллективов, какие – с компенсацией, а какие – с возбуждением уголовных дел против хозяев-временщиков. Ведь если такой повод есть, то нужно его использовать.

1. Бог благословил человека возделывать этот мир: Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на XI Всемирном Русском Народном Соборе // Вопросы культурологии. 2007. № 5. С. 3–7.

2. Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новosti, 1991.

3. Демкова Н.С. Из истории русской повести XVII в.: Об одной древнерусской параллели к повести Н.В. Гоголя «Вий» // ТОДРЛ. 1989. Т. 42.

4. Житие Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское кн.изд-во, 1979.

5. Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Художественная литература, 1969.

6. История русской литературы XI-XX вв. М.: Наука, 1983.

7. Каронин С. (Н.Е. Петропавловский). Сочинения в двух томах. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 1.

8. Комментарии // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992 (Б-ка русского фольклора; Т. 12).

9. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV вв.). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962.

10. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.

11. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970.

12. Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России // Национальные интересы. 2009. № 5–6. С. 27–38.

13. Народные заступники. Грех и искупление. Богатство и бедность // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992 (Б-ка русского фольклора. Т. 12).

14. Основы социальной концепции Русской православной церкви. Юбилейный Архиерейский Собор Русской православной церкви. Москва, 13–16 августа 2000 г.

15. Приходько Л.С. Русская сказка как форма отражения ментальности народа // Вопросы культурологии. 2008. № 1. С. 59–60.

16. Приходько Л.С. Русское крестьянство дореволюционной России в реалиях эпохи и социально-философском сознании // Вопросы культурологии. 2009. № 4. С. 78–82.

17. Святой Николай и мужик // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992 (Б-ка русского фольклора. Т. 12).

18. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их перделки / пригот. к печ. Н.Н. Зарубин. Л., 1932.

19. Судьба доброй девицы // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992 (Б-ка русского фольклора. Т. 12).

20. Сусоколов А.А. Экономическая культура российского общества в XX в. (материалы к лекционным занятиям) // Вопросы культурологии. 2006. № 4–5.

21. Сщмч. Владимир, Митрополит Киевский и Галицкий. Труд и ответственность в учении Русской церкви. («Голос церкви», 1912, декабрь) // Экономика русской цивилизации / сост. О. Платонов. М., 1995.

22. Экземплярский В. Учение древней церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910.